

Литературный факт.
2023. № 4 (30)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (30), 2023

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-100-127>
<https://elibrary.ru/LNJTSZ>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Конфликт историка и переводчика: два произведения Бальзака в русских переводах (1899, 1900, 1995, 2017)

© 2023, В.А. Мильчина

Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского РГГУ,
Москва, Россия

Российская государственная академия народного хозяйства при Президенте
Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация: Какой путь выбрать переводчику произведения двухсотлетней давности? Приближать писателя к читателю, то есть упрощать текст, опуская сложные для понимания исторические реалии, или приближать читателя к писателю, сохраняя исторические реалии и стараясь по возможности пояснить их в примечаниях? Каждый из этих вариантов имеет своих адептов, и у каждого есть своя правда. Причем порой сторонники обеих этих точек зрения уживаются в душе и мозгу одного и того же человека: переводчик хочет сделать текст понятным без пояснений, а историк настаивает на сохранении имен собственных и реалий, загадочных для современного читателя. О том, как решается этот конфликт, рассказано в статье на примере старых и новых переводов двух произведений Бальзака. Первое — «Физиология брака» (1829), впервые переведенная (с пропусками) В.Л. Ранцовым в 1900 г., а затем — В.А. Мильчиной (ее перевод был издан в первый раз в 1995 г., а второй, с исправлениями, — в 2017 г.). Второе произведение, которое Бальзак мыслил как продолжение первого, — «Мелкие неприятности супружеской жизни» (1846). Оно было впервые переведено Е.Г. Бекетовой в 1899 г., а вторично — В.А. Мильчиной в том же издании 2017 г. Переводы Ранцова и Бекетовой выполнены по правилам своего времени, когда пропуск, например, имен собственных, по тем или иным причинам затрудняющих переводчика (владелец театра теней Серафен или танцовщица Фанни Эльслер), считался вещь совершенно законной и ничуть не предосудительной. И в самом деле, без этих имен текст становится более гладким и легким для понимания. Этот соблазн манит и современного переводчика, но автор статьи убежден в том, что с этим соблазном нужно бороться, особенно если переводить Бальзака. Хотя и это правило знает исключения, и они также приведены в статье.

Ключевые слова: Оноре де Бальзак, «Физиология брака», «Мелкие неприятности супружеской жизни», Елизавета Бекетова, Владимир Ранцов, Арон Гуревич, Михаил Гаспаров, история перевода.

Информация об авторе: Вера Аркадьевна Мильчина — ведущий научный сотрудник, Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского РГГУ, Миусская пл., д. 6, 125047 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Российская государственная академия народного хозяйства при Президенте Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 82, 119571 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3896-0085>

E-mail: vmilchina@gmail.com

Для цитирования: Мильчина В.А. Конфликт историка и переводчика: два произведения Бальзака в русских переводах (1899, 1900, 1995, 2017) // Литературный факт. 2023. № 4 (30). С. 100–127. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-100-127>

Каждый переводчик, а в особенности переводчик произведений прошлых эпох, наверняка сталкивался с такой проблемой: точность, историческая достоверность, наконец, просто особенности данного текста требуют поставить в переводе одно слово, а забота о том, чтобы текст звучал естественно, гармонично, на «настоящем» русском языке, требуют слова совсем другого (с легкой руки американского теоретика перевода Лоуренса Венути эти два пути в научной литературе называются форенизацией и доместикацией).

Проблема эта не новая, и великие предшественники уже дали по этому поводу свои рекомендации, причем отчасти противоположного свойства.

Арон Яковлевич Гуревич, довольно резко критикуя перевод «Песни о Нибелунгах», выполненный Б. Корнеевым с немалым пренебрежением к исторической достоверности, писал:

...ознакомление с новыми переводами позволяет констатировать по крайней мере два способа установления, «диалога» с людьми Средневековья. Первый состоит в том, что переводимый текст по возможности «облегчается» от всего непонятого, упрощается и тем самым делается более «похожим» на современное литературное произведение. Совершается эта процедура обычно из наилучших побуждений: для того, чтобы «приблизить древний текст к пониманию современного читателя». Действительно, трудность знакомства исчезает, — но за счет искажения облика далекого незнакомца, «под-

тягиваемого» до нашего современника. По существу же никакого «диалога» не происходит. Переводчик, идущий этим путем, не принимает во внимание того обстоятельства, что, обращаясь к средневековому тексту, он имеет дело, строго говоря, не с литературой, — во всяком случае не с литературой в современном понимании, — а с несравненно более обширной полифункциональной системой, в которой находили выражение и удовлетворение наряду с чисто эстетическими запросами также и иные потребности человека, — от религиозных до бытовых (историография, теология, право, магия, наставления в хозяйственной деятельности и многое другое не были выделены из «художественной литературы» так, как это произошло при переходе к Новому времени) [15, с. 276].

Со своей стороны, Михаил Леонович Гаспаров в ходе дискуссии о переводе, напечатанной в 2002 г. в альманахе «Одиссей», предусмотрел для перевода литературных памятников прошлого две возможности:

Мне всегда хотелось перевести одно и то же произведение двумя способами — для знатоков и для простых читателей; и посмотреть, какая получится разница. Например, чтобы один перевод Марка Аврелия был «ювелирно точен» <...>, а другой так волен — с пропуском малоизвестных имен, реалий и проч. — чтобы Лев Толстой мог включить его в «Круг чтения». Если бы оба оказались удачны, то я уверен, что для русской культуры более полезен был бы второй [14, с. 468].

Тем не менее сам Гаспаров далеко не всегда шел по этому второму пути, очень соблазнительному, но требующему при допуске «вольностей» едва ли не большего мастерства и такта, чем в переводе «ювелирно точном».

Заметим, что его ученица и соратница Наталья Сергеевна Автономова, объясняя те принципы, которыми она пользовалась при переводе «Грамматологии» Жака Деррида, говорит, что «предпочитала жертвовать второстепенным, например, стилистическими красотами» [1, с. 402] ради последовательного проведения значимых терминов через весь русский текст, и для этого придумывала «последовательно удерживаемые русские эквиваленты» понятий [1, с. 400]. Она исходила из того, что если переводить понятия «нетерминологически», каждый раз по-разному, «на основе контекстуальных вариаций смысла», это не позволит «читателю, не знако-

мому с оригиналом, опознавать эти понятия в переводном тексте» [1, с. 403].

Можно подумать, что предпочтение «терминологического», точного, более вольному, «художественному», актуально только для переводов научной литературы, а при переводе изящной словесности приоритеты нужно расставлять иначе. Однако такой вывод неочевиден.

В настоящей статье я попробую показать это на примере двух старых переводов двух произведений Оноре де Бальзака. Первое произведение — «Физиология брака» (1829), впервые опубликованная в русском переводе в 1900 г. в восьми номерах журнала «Вестник иностранной литературы»; второе — «Мелкие неприятности супружеской жизни» (1846), вышедшие под названием «Мелкие невзгоды супружеской жизни» в 1899 г. в составе 20-го тома собрания сочинений Бальзака в издании Пантелеева. Первый перевод выполнен Владимиром Львовичем Ранцовым (1843–?) — автором «Французско-русского словаря» (1903), переводчиком Гофмана, Гюго, Диккенса, Золя, Марка Твена, Джерома К. Джерома, Кипплинга, Мольера, Теккерей и многих других знаменитых авторов. Второй принадлежит Елизавете Григорьевне Бекетовой (1834–1902) — бабушке Александра Блока, переведившей сочинения Жорж Санд, Бичер-Стоу, Скотта, Диккенса, Гюго, Голдсмита, Теккерей, Лесажа, Мопассана и, опять-таки, как и в случае с Ранцовым, многие другие произведения мировой классики.

Оба переводчика, таким образом, были очень опытными и, как нетрудно увидеть по их переводам, прекрасно знали французский язык. Поэтому мои дальнейшие замечания по поводу их переводческих решений отнюдь не означают, что их переводы плохи. Означают они другое: оба переводчика исходили из критериев, типичных для их времени, и понятность текста во многих случаях предпочитали соблюдению исторического колорита и верности бальзаковскому способу изображения реальности. Дело в том, что для Бальзака, как известно, не было нейтральных, «не говорящих» подробностей; в каждом предмете обихода, в каждой детали туалета, в манере одеваться и говорить он прозревал характер человека. В одном из первых произведений, которое он согласился признать своим и подписать своим именем, «Физиологии брака» (1829), есть глава «О таможенном досмотре». В ней Бальзак объясняет, как следует мужу наблюдать за мужчинами, приходящими к нему в гости (потенциальными соблазнами его жены), чтобы определить степень их опасности для супружеского согласия. Вот что он рекомендует мужу:

Долг мужа — уподобиться пауку, который, притаившись в центре невидимой паутины, определяет по малейшему колебанию нитей, что в его сети попалась глупая мошка, издалека смотрит, слушает, наблюдает и угадывает либо жертву, либо врага.

Говоря короче, поставьте дело таким образом, чтобы вы могли наблюдать гостя-холостяка в двух совершенно различных положениях: перед тем, как он войдет в дом, и после того, как он оттуда выйдет.

О скольких вещах поведает он вам при входе, даже не раскрыв рта!..

Значения исполнено все:

приглаживает он волосы или, запустив пальцы в шевелюру, взбивает модный кок;

напеваает арию итальянскую или французскую, веселую или грустную, поет тенором или контральто, сопрано или баритонем;

проверяет ли, насколько изящно повязан его галстук — предмет туалета из числа самых выразительных;

приходит в ночной сорочке или в дневной и расправляет ли, перед тем как войти, кружевное жабо;

удостоверяется ли украдкой, хорошо ли сидит парик и каков этот самый парик — светлый или темный, завитой или гладкий;

бросает ли взгляд на свои ногти, дабы убедиться, что они чисты и аккуратно обстрижены;

холеные ли у него руки, хороши ли на нем перчатки и предпочитает ли он накручивать усы или бакенбарды на палец или же расчесывать их черепаховым гребешком; <...>

рассматривает ли собственные сапоги, словно говоря: «Да, нога-то, пожалуй, недурна!..»;

приходит ли пешком или приезжает в экипаже и старается ли, перед тем как войти в дом, удалить с обуви малейшие пылинки; <...>

медлит ли он перед тем, как позвонить, или же дергает за шнурок сразу, быстро, небрежно, развязно, с бесконечной уверенностью в себе <...>.

Одним словом, не успеет гость ступить на порог вашего дома, а вы уже сделаете поразительное множество важных замечаний. <...>

А уход гостя!.. Если вы не успели подвергнуть пришлеца самому строгому осмотру до его прихода, особенно важно наверстать упущенное, когда он будет уходить; присмотритесь к тем деталям, что мы перечислили, только в обратном порядке.

Особенно важен тот миг, когда враг окончательно покинет вашу территорию и преисполнится уверенности, что вы его уже не видите.

Умному человеку довольно бросить на визитера, выходящего из ворот, один-единственный взгляд, чтобы угадать все обстоятельства его визита. Примет в этом случае меньше, но зато как они красноречивы! Уход — развязка драмы, и на лице героя ясно читаются восторг, радость или огорчение.

В уходящем человеке знаменательно все: бросает ли он взгляд на дом или окна квартиры, откуда вышел, идет ли он медленной, ленивой походкой, потирает ли руки с глупым видом, фатовато подпрыгивает или, напротив, невольно застывает, как человек глубоко взволнованный; одним словом, если, глядя, как ваш гость стоит перед дверью, вы могли с четкостью провинциальной академии, учреждающей премию в сто экю за удачное рассуждение, сформулировать интересующие вас вопросы, то, глядя, как ваш гость удаляется, вы можете получить на свои вопросы столь же четкие и ясные ответы [3, с. 256–261].

Цитаты, свидетельствующие о внимании Бальзака к бытовым мелочам, которые были для него полны смысла и упоминание которых в его текстах никогда не было случайным, можно умножить, но, кажется, ясно, что в случае Бальзака соблюдение этих деталей в переводе — вопрос первостепенной важности, иначе «четкости провинциальной академии» достигнуть не удастся.

Между тем и Ранцов, и Бекетова, следуя распространенной в их время переводческой практике, порой обходятся с реалиями весьма вольно и либо заменяют их на нечто более привычное для читателя, либо вовсе выбрасывают из текста.

Ниже я покажу это на целом ряде примеров. Деликатная сторона вопроса состоит в том, что следующие после Ранцова и Бекетовой переводы «Физиологии брака» и «Мелких неприятностей супружеской жизни» выполнены не кем иным, как мной. «Физиология» в моем переводе первый раз вышла в издательстве «Новое литературное обозрение» в 1995 г. [11], а двадцать лет спустя я вернулась к этому переводу и многое в нем исправила (ниже я привожу несколько случаев, где я переменяла свои решения двадцатилетней давности). Этот второй вариант вместе с переводом «Мелких неприятностей», опубликован в книге [3]. Тот факт, что я противопоставляю свои переводы переводам Ранцова и Бекетовой, не означает, разумеется, будто я утверждаю, что мой перевод лучше. Ранцов и Бекетова, с одной стороны, и я с другой, выступаем как типичные представители переводческих принципов своего времени. И именно поэтому я позволила себе так много цитировать саму себя.

Самый простой из интересующих меня в данной статье случаев вольного обращения с оригиналом, это его русификация, при которой текст перевода звучит более чем по-русски, но слишком далеко уходит от исторической и, так сказать, национальной достоверности.

Начну с примеров наиболее очевидных.

Ранцов вместо фиакра усаживает героя в «извозчичью карету» [6, с. 79], более уместную в Петербурге, чем в Париже.

У обоих переводчиков, и у Ранцова, и у Бекетовой, русифицируются упоминаемые Бальзаком учебные заведения. Вместо французского *pension*, которое можно совершенно спокойно перевести как «пансион», у Ранцова появляются довольно неуклюжие «закрытые женские заведения» [5, с. 78], а у Бекетовой вместо «коллежа», куда собираются отдавать маленького сына героя и героини — гимназия [2, с. 28].

Если в тексте «Физиологии брака» (Размышление XVI «Брачная хартия») сказано: «Après avoir ainsi mis ma femme au secret» [27, р. 1057], то Ранцов в своем переводе передает этот оборот как «засадив жену, с позволения сказать, в кутузку» [7, с. 47]; в моем переводе: «...заперев жену в темницу» [3, с. 274]; можно было бы сказать и более разговорно: «...посадив жену под замок», но без сугубо русской «кутузки» лучше обойтись.

Если в тексте «Физиологии брака» (Размышление XXIX «О супружеском мире») говорится: «Trouvez-moi sept hommes par nation qui aient sacrifié à une femme non pas leurs vies... car cela n'est pas grand'chose» [27, р. 1193], то Ранцов переводит эту фразу как: «Найдите-ка мне в каждом из западно-европейских государств по семи человек, пожертвовавших женщине не только жизнью, потому что это, как говорится, *плевое дело*» [10, с. 39]; в моем переводе «Попробуйте сыскать в любой нации семерых мужчин, способных пожертвовать ради женщины не жизнью... — ибо это не такая уж большая жертва» [3, с. 450]. Место нейтрального «*pas grand'chose*» заняло в переводе Ранцова русское просторечное «плевое дело».

Если в «Физиологии брака» (Размышление XXVII «О последних симптомах») читаем: «Monsieur de Roquemont couchait une fois par mois dans la chambre de sa femme, et il s'en allait en disant : “Me voilà net, arrive qui plante”!» [27, р. 1178], то Ранцов передает эту остроту снисходительного мужа поговоркой, которая, конечно, придает большую живость тексту, но явно переводит его в другой стилистический и национальный регистр: «Г-н де Рокмон ночевал раз в месяц в спальне своей жены, а затем удалялся, заявляя: “Мое

дело сделано: чьи бы бычки не прыгали, а телятки все будут наши!» [10, с. 26]; в моем переводе (возможно, слишком нейтральном): «Господин де Рокмон раз в месяц ночевал в спальне жены и уходил оттуда со словами: “Я свое дело сделал, теперь пусть потрудятся другие!”» [3, с. 431].

Еще один, чуть более сложный случай русификации. В «Физиологии брака» (Размышление XVI «Брачная хартия») Бальзак пишет: «...adopter certaines idées tricolores, espèces de polichinelles que fait jouer une troupe de soi-disant patriotes, gens de sac et de corde, toujours prêts à vendre leurs consciences pour un million, pour une femme honnête ou une couronne ducal» [27, p. 1051]. У Ранцова патриоты превращаются в народников: «...перейти к идеям трехцветного знамени, о которых достоверно известно в высших правительственных сферах, что они просто марионетки, находящиеся в распоряжении так называемых народников, людей заведомо негодных и безнравственных, ежеминутно готовых продать свою совесть за миллион франков, порядочную женщину или герцогскую корону...» [7, с. 42]. В моем переводе: «...проникнуться новомодными трехцветными идеями, с помощью которых ломают комедию так называемые патриоты, а говоря проще — висельники, всегда готовые продать свою совесть за обладание миллионом франков, порядочной женщиной или герцогской короной» [3, с. 265]. В тираде бальзаковского персонажа — правительственного чиновника, верного властям, — слово «патриот» употреблено в сугубо негативном смысле; под «трехцветными идеями» чиновник подразумевает идеи либеральные, с которыми правительство эпохи Реставрации не желало иметь ничего общего; трехцветный флаг был у Франции в 1794–1814 гг., а в эпоху Реставрации, когда вышла «Физиология брака», знамя было «бурбонское», белое с лилиями. Возможно, Ранцова смутило не то, что патриот — слово заимствованное, а то, что оно употреблялось в русских текстах только в положительном значении. Как бы там ни было, он и в этом случае пошел по пути русификации и подобрал для «патриота» аналог из русского словарного запаса, причем употребил слово «народник» не в положительном значении, в каком оно фигурировало в документах самих народников или людей, им сочувствующих, а в значении отрицательном, какое придавали ему скептики или противники народничества¹. В этом смысле, как оценочное и пейоративное, оно вполне соответствует бальзаковскому

¹ Ср., например, в пьесе Чехова «Леший» (1890): «Среда, где к каждому человеку подходят боком, смотрят на него искоса и ищут в нем народника, психопата, фразера — все, что угодно, но только не человека!» [25, с. 157].

«патриоту»; в обоих случаях эти слова употребляются для того, чтобы заклеить «новомодных болтунов», но поскольку во Франции в 1829 г. никаких народников не было, да и в России первые употребления этого слова относятся, согласно Национальному корпусу русского языка, к концу 1860-х гг., в переводе Бальзака оно выглядит вопиющим анахронизмом.

Иногда намеренная русификация оригинала в переводе не просто вносит в текст непрошенные нюансы, но делает его смешным, в особенности для сегодняшнего читателя (хотя этого переводчики конца XIX в. предусмотреть, конечно, не могли).

В «Физиологии брака» (Размышление X «Рассуждение о политике, подобающей мужьям») рассказчик, сделавший вид, что по деликатности удалился из комнаты, где происходит объяснение его старого учителя с молодой женой, на самом деле чутко прислушивается к этому диалогу. Он описывает это так: «Hélas, elle de savait pas que j'aurais pu jouer dans Fortunio le rôle de Fine-Oreille qui entend pousser les truffes» [27, p. 1013]. Ранцов переводит: «Увы: профессорша не знала, что я мог бы играть в “Счастливице” роль Остроуха, слышащего, как растет в поле травка!» [6, с. 100]; в моем переводе: «Увы! она не знала, что я мог бы сыграть в “Фортунио” роль Слухача, умеющего расслышать, как растут трюфели» [3, с. 209]. Трюфели — чисто французская реалия, по-видимому, этой своей французскостью и отпугнувшая Ранцова. Между тем в сказке Мари-Катрин д'Онуа (1651–1705), которую вспоминает в этой фразе Бальзак², выведен персонаж по имени Слухач (Fine-Oreille), который слышит, как растут именно трюфели и другие грибы, а замена трюфелей на менее французскую и более «интернациональную» травку начисто уничтожает эту связь с источником. Но еще хуже другое: «травка» за прошедшие сто лет приобрела то значение, какого во времена Ранцова не имела, и в результате замены герои не только Бальзака, но и «сказочницы» XVII в. госпожи д'Онуа превратились в наркоманов.

Вот аналогичный случай, когда изменение смысла слов играет злую шутку со старым переводом.

В «Мелких неприятностях супружеской жизни» Бальзак приводит диалог мужа с женой по поводу того, следует ли им отдать шестилетнего сына в коллеж; муж считает, что следует, а жена возражает. Муж говорит: «Mais, ma chère amie, ne t'emporte pas», а жена

² Настоящее ее название не «Fortunio», а «Chevalier Fortuné», а точнее «Belle-Belle, ou Chevalier Fortuné» (в новейшем переводе «Белль-Белль, или Удачливый рыцарь»; см.: [22, с. 556–594]).

отвечает: «Comme si je m'emportais jamais!» [26, p. 50]. В переводе Бекетовой этот обмен репликами выглядит так: «Милая моя, с чего же ты пылишь? — Это я-то пылию? Никогда в жизни» [2, с. 30]; в моем переводе: «Милая моя, не надо так горячиться. — Как будто я когда-нибудь горячусь!» [3, с. 509]. Слово «пылить» за прошедшие сто лет утратило свою связь со «вспыльчивостью» и приобрело совсем иное значение («хвастаться», «пускать пыль в глаза»), и поэтому диалог супругов из-за употребления этого слова становится довольно бессмысленным, хотя переводчица в этом не виновата.

Та же проблема возникает у Бекетовой со словом «дутье», которым она переводит французское *bouderie*. Текст Бальзака гласит: «...car tout est fini, sachez-le bien <...>, lorsque l'un d'eux ne s'aperçoit plus de la bouderie de l'autre. AXIOME. Une bouderie rentrée est un poison mortel. C'est pour éviter ce suicide de l'amour que notre ingénieuse France inventa les boudoirs» [26, p. 169]. В переводе Бекетовой это место выглядит так: «...все кончено с той минуты, как один из них не замечает, что другой дуется. АКСИОМА. Дутье, вогнанное внутрь и не нашедшее себе исхода, есть смертельная отравка. Во избежание этого любовного самоубийства, мои остроумные соотечественники и выдумали будуары» [2, с. 142]. В моем переводе: «...все кончено, если один из них не замечает, что другой дуется и обижается. Аксиома. *Скрытая обида есть смертельный яд*. Именно ради того, чтобы избегнуть этого самоубийства любви и не будить обиду, изобретательная Франция выдумала будуары» [3, с. 666].

Строго говоря, «дутье» в значении «обида» в XIX в. употреблялось; ср.: «Это я все могу, а только ты, Нюта, не сердись. Дутье-то в сторону! А лучше протяни-ка лапку старому другу!..» [16, с. 99]; «Во-первых, я не дуоюсь на весь свет, потому что хоть я, по твоим словам, и глупая, но знаю, что весь свет моего дутья не боится...» [18, с. 409]. Однако в наши дни у этого слова осталось лишь техническое значение («подача воздуха или других газов в промышленные теплотехнические агрегаты»). Недостаток перевода Бекетовой не только в том, что между дутьем и будуарами нет ничего общего в смысле звучания, и бальзаковский каламбур (игра слов *bouder* и *boudoir*) остается невоспроизведенным, но и в том, что архаическое «дутье», точно так же как и устаревшее «пылишь», и выдуманная «травка», способны вызвать у читателя не запрограммированную автором и ненужную в этом месте усмешку.

Помимо русификации, отклонение от оригинала вызывается в обоих рассматриваемых переводах, по-видимому, предварительной самоцензурой. Причем если в случаях, приведенных выше,

переводчик охотно русифицировал текст, то в некоторых из тех случаев, о которых пойдет речь ниже, он его, напротив, лишает того русского колорита, который присутствовал в оригинале.

Соображения, по которым текст оригинала искажается для пущей «благонадежности», можно разделить на три группы: политические, религиозные и нравственные.

Из политических соображений «казаки» оригинала превращаются в просто «лихих наездников» без уточнения их этнического и социального статуса. Бальзак пишет в «Физиологии брака» (Размышление I «Тема»): «*Avant d'armer notre champion imaginaire, calculons le nombre de ses ennemis, comptons les Cosaques qui veulent envahir sa petite patrie*» [27, p. 919]. Ранцов переводит: «Прежде чем вооружить нашего воображаемого бойца, узнаем, сколько именно лихих наездников хотят вторгнуться в его маленькую отчизну» [4, с. 55]. В моем переводе: «Прежде чем снабдить нашего воображаемого победителя оружием, подсчитаем число его врагов, тех казаков, которые мечтают завоевать его родной уголок» [3, с. 77]. Замену *казаков* на *наездников* можно назвать систематической; она встречается у Ранцова и в другом месте (Размышление XXIII «О манифестах»), где французское «*Hourra que jettent les Cosaques*» [27, p. 1125] превращается в «ужасные возгласы степных наездников» [9, с. 199].

Другая очевидно политическая замена. В «Мелких неприятностях супружеской жизни» молодая женщина высокого роста рассказывает о себе в письме к подруге: «...pour une fille de vingt-sept ans, d'une figure encore passable, mais d'une taille un peu trop empereur Nicolas pour l'humble rôle que je joue...» [26, p. 112]. Из перевода Бекетовой читатель не узнает о том, что француженка 1840-х гг. сравнивает себя с российским императором Николаем. Бекетова пишет: «...для девушки двадцати семи лет, еще довольно красивой лицом, но ростом слишком высокой для моей смиренной доли...» [2, с. 89]; в моем переводе: «...для женщины двадцати семи лет, у которой недурная наружность, но гренадерский рост, подобающий скорее императору Николаю, чем моей скромной персоне...» [3, с. 591]. Это как раз тот образцовый случай, когда интересы эстетики и истории входят в противоречие. Проще всего и для переводчика и, возможно, для читателя, было бы поставить в переводе просто «высокий рост» или «гренадерский рост», опустив упоминание российского императора. Но тот факт, что парижанка выбирает именно это сравнение, слишком много говорит и о состоянии француженки-русских связей в тот период, и о некоторой двусмысленности в отношении к России

самого Бальзака, чтобы его можно было безболезненно опустить. Роман с российской подданной Евой Ганской заставлял Бальзака быть очень осторожным в оценках России и восхвалять российский «порядок» и российское «терпение», как он сделал это в «Письме о Киеве», написанном почти в то же время, когда был опубликован окончательный вариант «Мелких неприятностей», в 1847 г., но в похвалах этих, точно так же, как и в сравнении высокой французской девицы с императором Николаем, слышится подспудная ирония. Кроме того, это бальзаковское сравнение показывает, что французские читатели 1840-х гг. были прекрасно информированы о внешности российского императора (хотя в Париже он побывал всего один раз, в 1814 г., еще в бытность свою восемнадцатилетним великим князем). Можно даже указать источник, из которого читатели эту информацию почерпнули: в письме одиннадцатом книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» (1843), одного из главных источников представлений французов о русских делах, сообщается, что император «на полголовы выше среднего роста» [17, с. 183]. Одним словом, исключение имени императора Николая I из перевода делает текст проще, но и беднее.

Есть в переводах, а именно в переводе Ранцова, и следы «цензуры» религиозной, причем, вероятнее всего, не оттого, что он был большим ханжой, чем бабушка Блока, а оттого, что в «Физиологии брака» больше двусмысленных контекстов. Сокращения в главе «О религии и исповеди, рассмотренных в связи с браком» можно объяснить робостью переводчика не в религиозном, а в эстетическом отношении: у Бальзака вся эта глава состоит из нескольких страниц абсолютно бессмысленного текста, который позднейшие исследователи, несмотря на все свои старания, расшифровать так и не смогли и признали его намеренным абсурдом; так вот, Ранцов вовсе опускает эту абракадабру, и глава эта состоит у него из одной-единственной цитаты из Лабрюйера, которая открывает главу в оригинале и написана, естественно, на нормальном «человеческом» языке. Но несколько других несоответствий перевода Ранцова оригиналу обусловлены явно не эстетическими причинами, а желанием поминать Господа всеу.

Бальзак пишет (Размышление II «Брачная статистика»): «Malheureusement, la Bible, si claire sur toutes les questions matrimoniales, a omis de nous donner cette loi d'élection conjugale» [27, p. 921]. Ранцов переводит так: «К сожалению, в истории, так обстоятельно рассматривающей вопросы, относящиеся до брачных союзов, не сохранилось никаких подробностей касательно способов измерения

и точного определения девичьей добродетели» [4, с. 57]; в моем переводе: «К несчастью, Библия, столь ясно толкующая обо всех вопросах супружеской жизни, не дает нам никаких наставлений касательно выбора жены» [3, с. 80]. Библия, таким образом превращается у Ранцова, побоявшегося поминать Священное Писание во фривольном контексте бальзаковской книги, в нейтральную историю, что отнюдь не одно и то же.

Бальзак пишет о дамах после сорока (Размышление II «Брачная статистика»): «...elles se jettent dans la dévotion, dans les chats, les petits chiens, et autres manies qui n'offensent plus que Dieu» [27, р. 925–926]. Ранцов переводит: «оне вдаются в набожность, обзаваются кошками, собачками и разными иными маниями более или менее безобидного свойства» [4, с. 60]; в моем переводе: «они посвящают себя религии, кошечкам и собачкам и не оскорбляют своими прихотями никого, кроме Господа» [3, с. 86].

Замену Ранцов производит не только в этом направлении, но и в обратном. Тогда, напротив, нейтральная «природа» превращается в высокое «Провидение». Бальзак пишет (Размышление V «Обреченные»): «La nature, en nous élevant au-dessus des bêtes par le divin présent de la pensée, nous a rendus aptes à éprouver des sensations et des sentiments, des besoins et des passions» [27, р. 956]. Ранцов переводит: «Возвысив людей над животными божественным даром мысли, Провидение сделало нас способными испытывать ощущения и чувства, потребности и страсти» [5, с. 70]; в моем переводе: «Наградив нас божественным даром мысли и тем самым возвысив над животными, природа наделила нас чувственностью и чувствами, потребностями и страстями» [3, с. 131].

Наконец, у обоих переводчиков (но гораздо больше у Ранцова, опять-таки по причине большей откровенности оригинального текста «Физиологии брака») находятся и следы цензуры нравственной. Результаты этого оказываются порой катастрофическими для оригинала, смысл которого меняют до неузнаваемости.

Бальзак пишет в «Физиологии брака» («Брачный катехизис» из Размышления V «Обреченные»): «Le sort d'un ménage dépend de la première nuit» [27, р. 958]. У Ранцова «первая ночь» превращается в «первые дни»: «Участь супружеской пары зависит от первых дней брачного сожительства» [5, с. 72]; в моем переводе: «Судьба супружеской пары решается в первую брачную ночь» [3, с. 133]. Бальзак, продолжая ту же тему, утверждает далее в том же «Брачном катехизисе»: «Chaque nuit doit avoir son menu» [27, р. 960]; но и Ранцов продолжает гнуть свою целомудренную линию и превращает ночь

в день: «Каждый день должен быть своеобразен» [5, с. 73]; в моем переводе: «Каждой ночи потребно особое меню» [3, с. 135].

Скабрзных мотивов Ранцов сторонится. Фразу Бальзака из Размышления VIII «О первых симптомах»: «*Tel découvrira un symptôme dans la manière de mettre un châte, lorsque tel autre aura besoin de recevoir une chiquenaude sur son âne pour deviner l'indifférence de sa compagne*» [27, p. 998] — он переводит как: «Один муж видит явственный для себя симптом уже в способе, которым жена окутывается в поданную ей им шаль. Тогда как другой заметит равнодушие к себе со стороны подруги жизни лишь после полученного от нее жестокого щелчка по носу» [6, с. 87]. Однако там, где у Ранцова «нос», у Бальзака «âne», то есть осел. А для того чтобы понять, что именно автор «Физиологии брака» подразумевает здесь под ослом, не нужно даже выходить за пределы этого произведения. Выше, в Размышлении V «Обреченные» Бальзак цитирует роман Л. Стерна «Тристрам Шенди», а именно письмо отца Тристрама Шенди, в котором тот учит своего брата Тоби, как следует обращаться с женщиной: «но если она все-таки не сдастся, а осел твой по-прежнему будет становиться на дыбы, как есть все основания предположить...». Роль «осла» в этой фразе уже гораздо яснее, но стерновский комментарий не оставляет никаких сомнений относительно того значения слова «осел», в каком употребляет его Вальтер Шенди: Стерн ссылается на «Иллариона-пустынника, который, повествуя о своем воздержании, о своих бдениях, бичеваниях и прочих вспомогательных средствах своей религии, — говорил (с несколько большим балагурством, нежели подобало пустыннику), что он употребляет эти средства с целью отучить своего осла (разумея под ним свое тело) становиться на дыбы» и «никогда не употреблял слова *страсть* — постоянно заменяя его словом *осел*» [24, с. 488]. Бальзак очень любил ссылаться на этого специфического стерновского осла: в романе «Шагреновая кожа» (1831) после консультации с естествоиспытателем Лаврилем главный герой, жизнь которого укорачивают любые высказанные им желания, выражает намерение «держать своего осла в узде», после чего Бальзак прибавляет: «Еще до него Стерн сказал: “Побережем осла, если хотим дожить до старости”» [12, с. 197]. В силу вышеприведенных аргументов вариант со «щелчком по носу», хотя и звучит очень живо и сохраняет точный аналог французского *chiquenaude* (щелчок), но бальзаковской образности не соответствует, и мне показалось правильнее в переводе пожертвовать «щелчком», но сохранить «осла»: «Одного тревожит манера

жены кутаться в шаль, другой догадается о безразличии супруги, лишь когда она оставит голодным его осла» [3, с. 188]³.

Во фразе из Размышления VIII «О первых симптомах»: «...que nous recommandons singulièrement au futur auteur de la Physiologie du Plaisir» [27, p. 993] (в моем переводе: «...особенно горячо советуем будущему сочинителю Физиологии наслаждения» [3, с. 181]) Ранцов заменяет физиологию на психологию: «...обстоятельное изложение которой мы предоставляем будущему автору “Психологии наслаждения”» [6, с. 83]. Это, конечно, может объясниться простой опiskой; ведь название всей книги Ранцов не изменил, и она не превратилась из «Физиологии брака» в «Психологию брака».

Но опiskой нельзя объяснить трансформацию, происшедшую с бальзаковским Афоризмом LXII в Размышлении XIV «О покаях»: «Le lit est tout le mariage» [27, p. 1041] (в моем переводе «LXII. Брак всецело зависит от кровати» [3, с. 251]). У Ранцова она превратилась во фразу, не имеющую с оригиналом вообще ничего общего: «LXII. В чем суть супружества?» [7, с. 33]. Перемена (не такая радикальная), которую претерпел бальзаковский текст «Мелких неприятностей супружеской жизни» в переводе Бекетовой объяснима легче. Бальзак пишет: «Souviens-toi des doléances de madame de Sévigné comptant cent mille écus à monsieur de Grignan pour l'engager à épouser une des plus jolies personnes de France! — “Mais, se dit-elle, il devra l'épouser tous les jours, tant qu'elle vivra! Décidément, cent mille écus, ce n'est pas trop!” Eh bien! n'est-ce pas à faire trembler les plus courageux?» [26, p. 140]. У Бекетовой этот пассаж имеет следующий вид: «Вспомни сетования госпожи же Севинье, когда она отсчитывала пятьсот тысяч франков господину де Гриньян, чтобы склонить его к женитьбе на одной из самых хорошеньких девушек во Франции: “Как же иначе, — говорила она себе, — ведь ему придется состоять с ней в супружестве всякий Божий день, покуда она жива! Положительно, пятьсот тысяч франков за это дать не жалко!”» [2, с. 116]. Строго говоря, épouser переведено точно; это слово именно и означает «жениться». Но здесь, как и в случае с «ослом», следует учитывать бальзаковский контекст, а именно употребление этого же слова в весьма специфическом смысле в «Физиологии брака». Там в Размышлении II «О женщине порядочной» один холостяк

³ Разумеется, существует богатейшая традиция «носологической» литературы, см., напр.: [13], в которой под носом метафорически разумеется именно та часть тела, какую Стерн, а за ним и Бальзак, именуют ослом, и сам Стерн в «Тристраме Шенди» сполна отдал ей дань, прежде всего во вставной «Повести Слокенбергия», но мне кажется маловероятным, что Ранцов, производя свою замену, апеллировал к ней.

спрашивает другого, встреченного им на улице: «Qui épousons-nous?» [27, p. 929], и, поскольку Бальзак сам уточняет, что это лишь «вольный перевод» «довольно-таки цинического вопроса», нетрудно сообразить, что это целомудренное выражение служит эвфемистической заменой гораздо более грубого «Qui baisons-nous?»⁴. Ранцов этого обстоятельства тоже не увидел или не захотел увидеть и перевел «Qui épousons-nous?» как «Кто заменяет теперь тебе жену?» [4, с. 64]. Справедливости ради надо признать, что и я сама двадцать лет назад, когда переводила «Физиологию брака» в первый раз, тоже не заметила подразумеваемого *baiser*, скрывающегося под *épouser*. Во втором варианте я перевела этот пассаж в «Физиологии брака» так: «...юноши зададут друг другу довольно-таки цинический вопрос, вольный перевод которого гласит: “Итак, кого мы сегодня берем в жены?” Берут, как правило, всегда хорошеньких» [3, с. 92]. И тот же глагол я использовала в «Мелких неприятностях»: «Вспомни о том, как сетовала госпожа де Севинье, отсчитывая сто тысяч экую господину де Гриньяну, чтобы он соизволил взять в жены одну из самых хорошеньких жительниц Франции. “Впрочем, — подумала она, — ему ведь придется брать ее ежедневно, до скончания ее дней! Право, это стоит сотни тысяч экую!”» [3, с. 628–629].

Во всех приведенных случаях текст старого перевода звучит гладко и не вызывает недоумений, какие могли бы вызвать бóльшая близость к оригиналу («щелчок по носу» легко проходит незамеченным, а «осел» привлекает к себе внимание). Но читатель получает неполное и упрощенное представление об оригинале (причем догадаться об этом можно только при «пословном» сличении французского текста с русским).

Еще очевиднее это упрощение во всех тех случаях, когда переводчики исключают из текста исторические реалии, которые могли бы затруднить читателя (и, возможно, затруднили их самих). Бальзак в «Физиологии брака» (Размышление VI «О пансионах») пишет: «Une jeune fille <...> à laquelle enfin tout est inconnu, même le spectacle de Séraphin» [27, p. 969]. Ранцов переводит это как: «Девушка <...> которая воспитана в полнейшем неведении даже самых невинных детских представлений в цирке» [5, с. 81]. Я в своем первом варианте тоже для простоты исключила из перевода имя собственное, но все-таки сохранила определение той отрасли театрального искусства, какой занимался Серафен (наст. имя и фам. Серафен-Доминик Франсуа; 1747–1800) — основатель парижского театра марионеток

⁴ «Кого мы сегодня уестествляем?» (франц.)

и китайских теней — но отнюдь не цирка: «...наконец, девушка, для которой все, вплоть до представления китайских теней, в новинку» [11, с. 57]. Но все дело в том, что этот Серафен был хорошо известен всем парижанам, и очень многих из них в детстве водили на его представления (обстоятельство, упомянутое Бальзаком в новелле 1833 г. «Прославленный Годиссар»). Поэтому по прошествии двадцати лет я решила не опускать в переводе имя собственное, хотя, разумеется, без Серафена текст звучит гораздо проще, а упоминание Серафена влечет за собою потребность снабдить его имя комментарием. В варианте 2017 г. мой перевод выглядит так: «...наконец, девушка, для которой все, вплоть до представления китайских теней у Серафена, в новинку» [3, с. 147].

Другой пример, когда перевод более простой и гладкий упускает специфически бальзаковский подтекст. В Размышлении V «Обреченные» Бальзак пишет: «Un ami de la maison peut même citer ce vers: *La personne présente est toujours exceptée*» [27, р. 949]. Ранцов в этом случае вышел из положения просто — оставил стихотворную строку по-французски и дал ее подстрочный перевод: «Друг дома мог бы, пожалуй, даже привести при этом случае стих: *La personne présente est toujours exceptée* (Присутствующие всегда исключаются)» [5, с. 64].

Я в первом варианте решила сделать еще проще и, поскольку приведенная строка в точности соответствует известной поговорке, так и написала: «Друг дома может даже привести поговорку “О присутствующих не говорят”» [11, с. 43]. Но в 2017 г. выяснилось то, что не было известно в 1995 г. ни мне, ни французским комментаторам (а мне выяснить это помог интернет-поиск). Выяснился источник этого стиха (а вовсе не поговорки). Оказалось, что Бальзак цитирует стихотворную комедию Александра де Лавиля де Мирмона (1783–1845) «Газетный писака» (1820) [28, р. 87]. Комедия эта представляет собой переложение сюжета «Тартюфа» на современные нравы: в роли негодяя, обманом втершегося в доверие к богатому хозяину дома, выступает не святоша, а журналист, сочинитель грязных пасквилей. Сцена VII третьего акта, откуда взята цитируемая строка, посвящена обсуждению вопроса о том, чего больше приносят обществу журналисты — вреда или пользы (тема, которая волновала Бальзака на протяжении всей его жизни). И потому, чтобы сохранить верность Бальзаку, нужно, во-первых, перевести стихотворную строчку так, чтобы было видно, что это стихи, а во-вторых, пояснить в комментарии сюжет с «Газетным писакой». В моем переводе 2017 г. обсуждаемый фрагмент звучит

так: «Друг дома может даже привести стихотворную строку: “О тех, кто среди нас, не будем говорить”» [3, с. 121].

Еще один пример из «Физиологии брака». В Размышлении XXIV «Основы стратегии» Бальзак пишет о женах, изменяющих мужьям: «*Quels préceptes peut-on donner pour combattre de tels adversaires? toute la diplomatie du congrès de Vienne est dans leurs têtes*» [27, р. 1129–1130]. Ранцов перевел это место точно по смыслу, но опустив упоминание Венского конгресса: «Позвольте спросить, какие же можно указать правила для борьбы с такими противницами, способными заткнуть за пояс всех европейских дипломатов?» [9, с. 203]. Однако если в 1900 г. Венский конгресс 1814–1815 гг. был седой древностью, то для Бальзака в 1829 г., когда он сочинял «Физиологию брака», это событие, которое произошло всего полтора десятилетия назад, было вполне актуальным. Интересы простоты и ясности рекомендуют, кажется, принять вариант Ранцова и ограничиться в переводе «европейскими дипломатами», которые в самом деле были представлены на Венском конгрессе очень широко и ярко. Но для соблюдения бальзаковского колорита Венский конгресс, как мне кажется, необходим, тем более что и вставить его в перевод можно без большого труда. Поэтому в моем переводе это место выглядит так: «Как бороться с подобными противниками? Они хитроумны, как все участники Венского конгресса вместе взятые» [3, с. 370].

По такому же объяснительному пути идет Бекетова в переводе фразы из «Мелких неприятностей супружеской жизни»: «*Tous deux s'entendent contre vous comme Robert Macaire et Bertrand contre un actionnaire*» [26, р. 47]. Бекетова переводит верно по смыслу: «Оба вместе заключают против вас такой же союз, как два вора против капиталиста» [2, с. 28]. Но при этом выпадают упоминания Робера Макара и Бертрана, между тем Робер Макер, заглавный герой пьесы Сент-Амана, Бенжамена Антье и Фредерика Леметра «Робер Макер» (1834), жулик и вор, который вместе со своим подручным Бертраном основывает акционерное общество, страхующее от воров и грабителей, и ловко обирает акционеров, постоянно суля им большие дивиденды, но ничего не платя, был едва ли не самым знаменитым литературным персонажем 1830-х гг.; знаменитый карикатурист Домье в 1839 г. выпустил альбом «Сто и один Робер Макер», где изобразил его в самых разных ролях⁵. Упоминание его

⁵ См. о Робере Макаре: [19; 20]. Некоторые отрывки из очерков Л. Юара и М. Алуа, сопровождающих рисунки Домье в альбоме «Сто и один Робер Макер», можно прочесть на сайте Gorky.media (см. в поиске).

не нейтрально, оно — колоритная примета эпохи, и потому мне показалось необходимым написать в переводе: «Оба <жена и малолетний сын> ...заклучают союз против вас, словно Робер Макер и Бертран против акционера» [3, с. 506].

Если в случае с Робером Макером мы имеем дело с аллюзией на современную литературу, то в другом фрагменте «Мелких неприятностей супружеской жизни» Бальзак намекает на всем памятное произведение XVII в. Он пишет: «...aucun mari n'ose dire que le pâté d'anguille l'ennuie...» [26, p. 57]. Бекетова переводит: «...ни один муж не осмелится сказать, что ему надоел пирог вечно с одной начинкой...» [2, с. 37]. Сказать так в самом деле очень соблазнительно, и смысл, казалось бы, передан в полной мере. Однако у Бальзака помянута ведь не любая начинка, а вполне определенная — паштет из угря. Паштет же этот пришел к нему не «из жизни», а из стихотворной сказки Лафонтена: в ней слуга удивляется тому, что хозяин положил глаз на его жену, тогда как его собственная жена куда красивее; вместо ответа хозяин несколько дней подряд кормит слугу изысканным кушаньем — паштетом из угря, и в результате лакей убеждается, что самое превосходное блюдо может приесться. Сказку эту современники Бальзака и во Франции, и, между прочим, в России⁶ помнили очень хорошо, и поэтому мне показалось правильным угря сохранить: «...ни один муж не осмеливается сказать, что паштет из угря ему приелся» [3, с. 519].

Еще один пример из перевода Бекетовой, в котором исключение исторической реалии не только упрощает и уплощает текст, но и делает его непонятным. Бальзак пишет: «Un jeune homme a quitté sa ville natale au fond de quelque département marqué par monsieur Charles Dupin en couleur plus ou moins foncée» [26, p. 106]. Бекетова переводит это так: «Молодой человек покидает свой родной город, расположенный в глуши какого-нибудь департамента, намеченного на географической карте Франции более или менее густой краской» [2, с. 83]. Имя Шарля Дюпена она опускает, между тем без него понять бальзаковский текст невозможно. Впрочем, невозможно его понять и при упоминании, если не знать, что барон Шарль Дюпен (1784–1873) — знаменитый статистик, который в 1826 г. создал, а в следующем году включил в свою книгу «Производительные и торговые силы Франции» карту Франции, где разные департаменты были

⁶ Ср. в повести Ореста Сомова «Роман в двух письмах» (1832): «Ты легко поймешь, что такая однообразная жизнь скоро приелась бы мне, как le pâté d'anguilles доброго Лафонтена; но, по счастью, у тетушки моей было наготове запасное средство против угрожавшей мне скуки и нравственной оскомины» [23, с. 290].

окрашены в разные цвета в зависимости от количества мальчиков, посещающих начальную школу: «просвещенные» области, где таких учеников имелось много, были более светлыми, а непросвещенные — темными. Именно отсюда — упоминание у Бальзака разной степени окрашенности карты. Поэтому мне показалось правильным не исключать Дюпена из текста: «Юноша покинул родной город, затерянный в глубине департамента, который окрашен на карте господина Шарля Дюпена более или менее ярким цветом» [3, с. 582].

Аналогичный случай, где выбрасывание из перевода имени собственного уводит с собой целый пласт важных исторических ассоциаций. В «Мелких неприятностях супружеской жизни» Бальзак уподобляет свою героиню Каролину знаменитой танцовщице Фанни Эльслер: «*Caroline marche à la Elssler, en agitant sa tournure de la façon la plus andalouse*» [26, р. 99]. Бекетова имя Эльслер не употребляет: «Каролина прохаживается как танцовщица, вертя задом на самый андалузский манер» [2, с. 76]. Но имя это так же не нейтрально, как и имена Дюпена и Робера Макера. Танцовщица Фанни Эльслер (1810–1884) в 1836 г. исполнила на сцене парижской Оперы в балете «Хромой бес» андалузский танец качуча (предок канкана), после чего он вошел в моду, хотя для светских женщин считался неприличным. Поэтому мне показалось правильным сохранить ее имя и перевести так: «Каролина выступает, точно Фанни Эльслер, и вертит своим *турнюром* на андалузский манер» [3, с. 572]. Заодно я возвратила и слово «турнюр», которое, Бальзак, по-видимому, не случайно выделил курсивом; оно выступает именно в качестве эфемистической и иронической замены слова «зад» (по-французски оно еще в конце XVIII в. определялось как *faux cul*, то есть «ложный зад»), и потому следует сохранить его в переводе, а не заменять непосредственно на «зад», как это сделано у Бекетовой.

Впрочем, ни одно правило невозможно выполнить до конца, не доведя его до абсурда. Поэтому и в моем переводе есть такие места, где я не стала вводить в текст реалии, которые, на мой вкус, слишком бы его утяжелили и сделали совсем непонятным без пояснений. Например, Бальзак пишет в «Мелких неприятностях супружеской жизни»: «*Adolphe a compris que le plus admirable commerce est celui qui consiste à payer chez un papetier une bouteille d'encre, un paquet de plumes et une rame de papier coquille douze francs cinquante centimes...*» [26, с. 107]. Бекетова перевела «*une rame de papier coquille*» просто как «стопа белой бумаги» [2, с. 84]. Но это все же слишком общее определение. Бальзак, в молодости несколько лет владевший типографией и прекрасно разбиравшийся в типографской лексике,

знал, о чем пишет. Формат *papier coquille* («раковина») — это один из тех форматов, о которых идет речь в первой части «Утраченных иллюзий» (1837), где упоминаются также форматы с такими живописными названиями, как «виноград», «голубятня», «Иисус» или «большой орел»; все они названы по водяным знакам, оттиснутым посередине листа. Что же касается «раковины», размер этого формата в сантиметрах — 44×56 (для сравнения: самый распространенный современный формат бумаги А4 имеет размеры 21×29), то есть это не просто стопа бумаги, но стопа бумаги большого формата. В каком-то другом контексте, возможно, нужно было бы сохранить и название бумаги, но поскольку в этой главе «Мелких неприятностей» специфически типографские сюжеты не затрагиваются, я сочла возможным не утяжелять текст и написать в переводе: «Адольф догадался, что самое прибыльное занятие — купить склянку чернил, пучок перьев и стопу бумаги большого формата за 12 франков 50 сантимов» [3, с. 583]. Впрочем, в примечании я все равно пояснила, о какой именно бумаге идет речь в оригинале.

Сходным образом в переводе фразы из «Физиологии брака» (Размышление X «Рассуждение о политике, подобающей мужьям»): «*Elle portait une petite croix à la Jeannette attachée par un ruban de velours noir...*» [27, p. 1015] необязательно сохранять упоминание Жанетты. По-французски такой крестик (как правило золотой), который знатные дамы носили в подражание крестьянкам, в самом деле называется «Жанетта» или «как у Жанетты», но здесь мне показалось более естественным имя собственное опустить: «Супруга Александра была в восхитительном платье из белого муслина; цветы, маленький крестик на черной бархатной ленте...» [3, с. 211], и в этом я совпала с Ранцовым, у которого в соответствующем месте стоит: «...золотой шейный крестик на черной бархатной ленточке...» [6, с. 102]⁷.

С другой стороны, само по себе сохранение в переводе реалий и, в частности, имен собственных оригинала еще не гарантирует успеха, особенно если эти реалии и имена собственные неверно интерпретированы.

⁷ Так обходились с этим украшением не только мы с Ранцовым: в 1827 г. Василий Туманский перевел рассказ Шарля Нодье (1780–1844) «*La nouvelle Werthérie*» («Новая Вертерия»), дав ему новое название «Сусанна»; в переводе читаем «хрустальный крест», а в оригинале находим все ту же *jeannette de cristal*; Туманскому тоже не пришло на ум включать в перевод «жаннетту» [29, p. 23; 21, с. 135]. Но все-таки, чтобы совсем не уничтожить реалию, я поступила с «жаннеттой» так же, как и с бумагой «раковина», и рассказала о ней в примечании.

В «Мелких неприятностях супружеской жизни» есть такая характеристика мужа, сраженного многочисленными аргументами жены: «Enfin, battu dans mille scènes conjugales, battu par les raisonnements les plus logiques (feu Tripier, feu Merlin ne sont que des enfants, la misère précédente vous l'a maintes fois prouvé)...» [26, p. 53]. Бекетова сохранила оба имени собственных, но если про Трипье она выяснила, что он был адвокат и даже ввела это в текст перевода, то во французском Merlin она не разглядела его коллегу, французского юриста по фамилии Мерлен (Бальзак упомянул обоих как образцовых мастеров юридического красноречия), и перевела эту фамилию как Мерлин: «И вот наконец, вдоволь наслушавшись таких супружеских сцен, вы побиты самыми логическими рассуждениями (покойный адвокат Трипье и даже покойный Мерлин сущие ребята по сравнению с нею, что довольно ясно из предыдущего рассказа о “Невзгоде”» [2, с. 33]. После чего, слегка, по-видимому, удивившись вторжению этого героя легенд артуровского цикла в роман из современной французской жизни, сделала даже подстрочное примечание: «Мерлин — чародей, действующее лицо многих рыцарских романов». Между тем юрисконсульт, многолетний (1801–1814) генеральный прокурор кассационного суда граф Филипп-Антуан Мерлен (1754–1838) по праву считался краснобаем и крючкотвором, но в чародействе замечен не был.

В аналогичную ловушку с именами собственными попался и Ранцов. В «Физиологии брака» в Размышлении XVII «Теория кровати» Бальзак пишет: «Je ne connais qu'une seule personne au monde qui dorme noblement, c'est l'Agamemnon que Guérin a montré couché dans son lit...» [27, p. 1065]. Речь идет о полотне живописца Пьера-Нарсиса Герена, выставленном в Салоне в 1817 г., и переводить эту фразу нужно, по-видимому, так: «Единственное в целом свете существо, чей сон благороден, — Геренов Агамемнон, мирно почивающий в своей постели...» [3, с. 285]. Но Ранцов, не зная о полотне Герена, а возможно, и о роде занятий самого Герена, счел его театральным актером, отчего фраза в его переводе приобрела следующий вид: «Я знаю во всем свете всего только одного человека, умевшего спать с надлежащим благородством: это Герен в роли Агамемнона, спящего на постели» [8, с. 115].

В заключение еще раз повторю то, что уже было сказано: хотя на протяжении всей статьи я противопоставляла свои варианты перевода вариантам Ранцова и Бекетовой, я, разумеется, вовсе не

хочу сказать, что мой перевод лучше. Сравнение их переводов с моим призвано показать лишь, как за сто с лишним лет изменились переводческие принципы. Столетие назад вольное обращение с реалиями, упомянутыми в оригинале, было общераспространенной практикой, и герои моей статьи просто следовали установкам своего времени; сейчас переводческие принципы изменились, и я, в свою очередь, старалась переводить так, как это принято в наше время (хотя принято, возможно, и не всеми).

В сущности, все приведенные мною примеры лишний раз ставят сакраментальный вопрос: что должен в первую очередь передавать переводчик — смысл или форму? Старые переводчики зачастую предпочитали форме смысл. Однако во многих случаях оказывается, что, пренебрегая формой (историческими реалиями или собственными именами), мы утрачиваем также и смысл или, по крайней мере, бóльшую его часть. И уж во всяком случае утрачиваем понимание того, чем именно этот писатель отличается от многих других, исходивших из других литературных принципов. Хотя зачастую этому историческому подходу противоречит подход эстетический, требующий пощадить читателя, не перегружать его экзотической информацией. Иногда эти два подхода воплощаются в переводческих стратегиях разных людей, но иногда они борются в душе одного и того же переводчика (именно так было со мной, когда я решала оставлять ли в переводе Серафена при китайских тенях и Жаннету при крестике). Тогда задача усложняется, но становится, пожалуй, еще интереснее.

Литература

1. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЕН, 2008. 704 с.
2. Бальзак О. де. Мелкие невзгоды супружеской жизни / пер. Е.Г. Бекетовой // Бальзак О. де. Собр. соч.: в 20 т. М.: Изд-во Г.Ф. Пантелеева, 1899. Т. 20. С. 1–157.
3. Бальзак О. де. Мелкие неприятности супружеской жизни. Физиология брака / пер., вступ. ст. и примеч. В.А. Мильчиной. М.: НЛЮ, 2017. 696 с.
4. Бальзак О. де. Физиология брака / пер. В.Л. Ранцова // Вестник иностранной литературы. 1900. № 1. С. 43–81.
5. Бальзак О. де. Физиология брака / пер. В.Л. Ранцова // Вестник иностранной литературы. 1900. № 2. С. 63–98.
6. Бальзак О. де. Физиология брака / пер. В.Л. Ранцова // Вестник иностранной литературы. 1900. № 3. С. 79–109.

7. *Бальзак О. де. Физиология брака* / пер. В.Л. Ранцова // Вестник иностранной литературы. 1900. № 4. С. 17–49.
8. *Бальзак О. де. Физиология брака* / пер. В.Л. Ранцова // Вестник иностранной литературы. 1900. № 5. С. 111–153.
9. *Бальзак О. де. Физиология брака* / пер. В.Л. Ранцова // Вестник иностранной литературы. 1900. № 6. С. 183–189.
10. *Бальзак О. де. Физиология брака* / пер. В.Л. Ранцова // Вестник иностранной литературы. 1900. № 8. С. 23–50.
11. *Бальзак О. де. Физиология брака. Патология общественной жизни* / пер. с франц. О.Э. Гринберг и В.А. Мильчиной; сост. и примеч. В.А. Мильчиной. М.: НЛЮ, 1995. 352 с.
12. *Бальзак О. де. Шагреневая кожа* / пер. Б.А. Грифцова // *Бальзак О. де. Собр. соч.*: в 15 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 13. С. 5–250.
13. *Виноградов В.В. Натуралистический гротеск. Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос»* // *Виноградов В.В. Поэтика русской литературы*. М.: Наука, 1976. С. 5–44.
14. *Гаспаров М.Л. Несколько «тривиальностей»* // *Гаспаров М.Л. Собр. соч.*: в 6 т. М.: НЛЮ, 2023. Т. 6. С. 468–470.
15. *Гуревич А.Я. Средневековая литература и ее современное восприятие. О переводе «Песни о нибелунгах»* // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М.: Наука, 1976. С. 276–314.
16. *Крестовский В.В. Панургово стадо*. Лейпциг: Вольфганг Гергард, 1870. Т. 2. 466 с.
17. *Кюстин А. де. Россия в 1839 году* / пер. с франц. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф; вступ. ст. В. Мильчиной, примеч. В. Мильчиной и А. Осповата. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2020. 1056 с.
18. *Лесков Н.С. На ножах* // *Лесков Н.С. Полн. собр. соч.* СПб.: А.Ф. Маркс, 1897. Т. 8. С. 129–575.
19. *Мильчина В.А. Жизнь и приключения саркастического бандита* (рец. на кн.: Lemaire M. Robert Macaire. La construction d'un mythe. Paris, 2018) // Новое литературное обозрение. 2021. № 167. С. 332–338.
20. *Мильчина В.А. Французский предок Остапа Бендера*. URL: https://gorky.media/fragments/frantsuzskij-predok-ostapa-bendera/?utm_source=telegram.me&utm_medium=social&utm_campaign=mdtruekto-pridumal-personazha-po-imeni&utm_content=59839962 (дата обращения: 22.07.2023).
21. *Нодье Ш. Сусанна* / пер. Тм. [В.И. Туманского] // Славянин. 1827. Ч. 1, отд. 2. С. 132–137.
22. *Онуа М.-К. д'. Кабинет фей* / изд. подгот. М.А. Гистер. М.: Ладомир, 2015. 998 с.
23. *Сомов О.М. Были и небылицы* / сост., вступ. ст. и примеч. Н.Н. Петруниной. М.: Сов. Россия, 1984. 366 с.

24. *Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие / пер. А. Франковского. М.: Худож. лит., 1986. 686 с.
25. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978. Т. 12. 400 с.
26. *Balzac H. de.* Petites misères de la vie conjugale // *Balzac H. de.* Comédie humaine. Paris: Gallimard, 1981. Т. 12. P. 21–182.
27. *Balzac H. de.* Physiologie du mariage // *Balzac H. de.* Comédie humaine. Paris: Gallimard, 1980. Т. 11. P. 905–1205.
28. *La Ville de Miremont A. de.* Le Folliculaire. Paris: Barba, 1820. 128 p.
29. *Nodier, Ch.* Les Tristes. Paris: Demonville, 1806. 138 p.

Research Article

Conflict Between Historian and Translator: Two Works by Balzac Translated into Russian (1899, 1900, 1995, 2017)

© 2023. Vera A. Milchina

Institute for Advanced Studies in Humanities of the Russian State University for
Humanities, Moscow, Russia
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

Abstract: What is the correct approach when translating a literary work that dates back two hundred years? Should the translator try to bring the writer closer to the reader, i. e. simplify the text, omitting difficult-to-understand historical realities? Or should they, on the contrary, try to bring the reader closer to the writer by preserving historical realities and trying to explain them in footnotes as much as possible? Each of these options has its followers, and each has a right to exist. Moreover, sometimes both these points of view coexist in one translator’s personality: the linguist in them wants to make the text understandable without explanation, while the historian insists on preserving proper names and realities that are unclear to the modern reader. This paper attempts to resolve this conflict using the examples of old and new translations of two works by Balzac. The first one is “The Physiology of Marriage” (1829), first translated (with omissions) by V.L. Rantsov in 1900, and then by V.A. Milchina (her translation was published for the first time in 1995, and then, with corrections, in 2017). The second work, which Balzac conceived as a continuation of the one mentioned, is “The Minor Troubles of Married Life” (1846). It was first translated by E.G. Beketova in 1899, and then by V.A. Milchina in the same edition in 2017. The translations of Rantsov and Beketova were made according to the rules of their time, when the omission, for example, of proper names, which for some reason were difficult for the translator (the owner of the shadow theater Seraphin or the dancer Fanny Elslér), was considered a completely legal thing and not in the least

reprehensible. Indeed, without these names, the text becomes smoother and easier to understand. This temptation is not unknown to modern translators either, but the author of this paper is convinced that it must be fought, especially when translating Balzac. However, this rule also has exceptions, and these are mentioned in the paper.

Keywords: Honore de Balzac, “Physiology of Marriage,” “Small Troubles of Married Life,” Elizaveta Beketova, Vladimir Rantsov, Aron Gurevich, Mikhail Gasparov, history of translation.

Information about the author: Vera A. Milchina — Leading Research Fellow, Institute for Advanced Studies in Humanities of the Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., 125047 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Vernadsky Ave., 119571 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3896-0085>

E-mail: vmilchina@gmail.com

For citation: Milchina, V.A. “Conflict Between Historian and Translator: Two Works by Balzac Translated into Russian (1899, 1900, 1995, 2017).” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (30), 2023, pp. 100–127. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-100-127>

References

1. Avtonomova, N.S. *Poznanie i perevod. Opyty filosofii iazyka* [Cognition and Translation. Experiences in the Philosophy of Language]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 704 p. (In Russ.)
2. Balzac, O. de. “Melkie nevezgody supruzheskoi zhizni” [“Small Troubles of Married Life”], trans. by E.G. Beketova. Bal’zak, O. de. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected Works: in 20 vols.], vol. 20. Moscow, G.F. Panteleev Publ., 1899, pp. 1–157. (In Russ.)
3. Balzac O. de. *Melkie nepriyatnosti supruzheskoi zhizni. Fiziologiiia braka* [Small Troubles of Married Life. Physiology of Marriage], trans., introd. and notes by V.A. Milchina. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 696 p. (In Russ.)
4. Bal’zak, O. de. “Fiziologiiia braka” [“Physiology of Marriage”], trans. by V.L. Rantsov. *Vestnik inostrannoï literatury*, no. 1, 1900, pp. 43–81. (In Russ.)
5. Balzac, O. de. “Fiziologiiia braka” [“Physiology of Marriage”], trans. by V.L. Rantsov. *Vestnik inostrannoï literatury*, no. 2, 1900, pp. 63–98. (In Russ.)
6. Balzac, O. de. “Fiziologiiia braka” [“Physiology of Marriage”], trans. by V.L. Rantsov. *Vestnik inostrannoï literatury*, no. 3, 1900, pp. 79–109. (In Russ.)
7. Balzac, O. de. “Fiziologiiia braka” [“Physiology of Marriage”], trans. by V.L. Rantsov. *Vestnik inostrannoï literatury*, no. 4, 1900, pp. 17–49. (In Russ.)
8. Balzac, O. de. “Fiziologiiia braka” [“Physiology of Marriage”], trans. by V.L. Rantsov. *Vestnik inostrannoï literatury*, no. 5, 1900, pp. 111–153. (In Russ.)
9. Balzac O. de. “Fiziologiiia braka” [“Physiology of Marriage”], trans. by V.L. Rantsov. *Vestnik inostrannoï literatury*, no. 6, 1900, pp. 183–189. (In Russ.)
10. Balzac, O. de. “Fiziologiiia braka” [“Physiology of Marriage”], trans. by V.L. Rantsov. *Vestnik inostrannoï literatury*, no. 8, 1900, pp. 23–50. (In Russ.)

11. Balzak, O. de. *Fiziologii braka. Patologii obshchestvennoi zhizni* [*Physiology of Marriage. Pathology of Social Life*], trans. from French by O.E. Grinberg and V.A. Milchina, comp. and notes by V.A. Milchina. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1995. 352 p. (In Russ.)
12. Balzak, O. de. “Shagrenevaia kozha” [“The Magic Skin”]. Bal’zak, O. de. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works: in 15 vols.*], vol. 13, trans. by B.A. Griftsov. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1955, pp. 5–250. (In Russ.)
13. Vinogradov, V.V. “Naturalisticheskii grotesk. Siuzhet i kompozitsiia povesti Gogolia ‘Nos’.” [“Naturalistic Grotesque. The Plot and Composition of Gogol’s Story ‘The Nose’.”]. Vinogradov, V.V. *Poetika russkoi literatury* [*Poetics of Russian Literature*]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 5–44. (In Russ.)
14. Gasparov, M.L. “Neskol’ko ‘trivial’nostei’.” [“A Few ‘Trivialities’.”]. Gasparov, M.L. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [*Collected Works: in 6 vols.*], vol. 6. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023, pp. 468–470 (In Russ.)
15. Gurevich, A.Ia. “Srednevekovaiia literatura i ee sovremennoe vospriiatie. O perevode ‘Pesni o nibelungakh’.” [“Medieval Literature and its Modern Perception. On the Translation of ‘The Song of the Nibelungs’.”]. *Iz istorii kul’tury srednikh vekov i Vozrozhdeniia* [*From the History of Culture in the Middle Ages and the Renaissance*]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 276–314. (In Russ.)
16. Krestovskii, V.V. *Panurgovo stado* [*Rams of Panurge*], vol. 2. Leipzig, Volfgang Gergard Publ., 1870. 466 p. (In Russ.)
17. Kustin, A. de. *Rossiiia v 1839 godu* [*Russia in 1830*], trans. by O. Grinberg, S. Zenkin, V. Milchina, I. Staf, introd. by V. Mil’china, notes by V. Milchina and A. Ospovat. Moscow, KoLibri, Azbuka-Atitikus Publ., 2020. 1056 p. (In Russ.)
18. Leskov, N.S. “Na nozhakh” [“At Loggerheads”]. Leskov, N.S. *Sobranie sochinenii: v 36 t.* [*Complete Works: in 36 vols.*], vol. 8. St. Petersburg, A.F. Marks Publ., 1897, pp. 129–575. (In Russ.)
19. Milchina, V.A. “Zhizn’ i priklucheniia sarkasticheskogo bandita (retsenziia na knigu: Lemaire M. Robert Macaire. La Construction d’un Mythe. Paris, 2018)” [“The Life and Adventures of a Sarcastic Bandit (Review of Book: Lemaire M. Robert Macaire. La Construction d’un Mythe. Paris, 2018)”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 167, 2021, pp. 332–338. (In Russ.)
20. Milchina, V.A. “Frantsuzskii predok Ostapa Bendera” [“French ancestor of Ostap Bender”]. *Gor’kii Media* [*Gorky Media*]. Available at: https://gorky.media/fragments/frantsuzskij-predok-ostapa-bendera/?utm_source=telegram.me&utm_medium=social&utm_campaign=mdtruekto-pridumal-personazha-po-imeni&utm_content=59839962 (Accessed 22 July 2023). (In Russ.)
21. Nod’e, Sh. “Susanna” [“Susanna”], trans. by Tm. [V.I. Tumanskii]. *Slavianin*, vol. 1, section 2, 1827, pp. 132–137. (In Russ.)
22. Onua, M.-C. d’. *Kabinet fei* [*Faury Cabiner*], ed. prep. by M.A. Gister. Moscow, Ladimir Publ., 2015. 1000 p. (In Russ.)
23. Somov, O.M. *Byli i nebylitsy* [*A True and a Tall Tales*], introd. and notes by N.N. Petrunina. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1984. 366 p. (In Russ.)

24. Stern, L. *Zhizn' i mneniia Tristrama Shendi, dzheni'mena. Sentimental'noe puteshestvie* [*The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman. Sentimental Journey*], trans. by A. Frankovskii. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986. 686 p. (In Russ.)
25. Chekhov, A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [*Collected Works: in 30 vols.*], vol. 12. Moscow, Nauka Publ., 1978. 400 p. (In Russ.)
26. Balzac, Honoré de. “Petites misères de la vie conjugale.” Balzac, Honoré de. *Comédie humaine*, vol. 12. Paris, Gallimard Publ., 1981, pp. 21–182. (In French)
27. Balzac, Honoré de. “Physiologie du mariage.” Balzac, Honoré de. *Comédie humaine*, vol. 11. Paris, Gallimard Publ., 1980, pp. 905–1205. (In French)
28. La Ville de Miremont, Alexandre de. *La Folliculaire*. Paris, Barba Publ., 1820. 128 p. (In French)
29. Nodier, Charles. *Les Tristes*. Paris, Demonville Publ., 1806. 138 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 19.07.2023

Одобрена после рецензирования: 31.08.2023

Дата публикации: 25.12.2023

The article was submitted: 19.07.2023

Approved after reviewing: 31.08.2023

Date of publication: 25.12.2023